

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Е. Б. Бесолова

А. Х. Хадикова

В статье обсуждаются вопросы, касающиеся северокавказской цивилизации, ее формирования и развития. Как известно, языки северокавказского региона – младописьменные. К сожалению, на сегодня отсутствие письменности является ведущим критерием отнесения традиционных культур малочисленных народов к «примитивным», причем учеными не берется в расчет то обстоятельство, что в рамках бесписьменной культуры основополагающие функции выполняет социокультурная коммуникация. По мнению известного ученого-философа Х. Г. Тхагапсоева, длительное взаимодействие бесписьменных культур с письменными и традиционными культурами способствует формированию компенсаторных, т.е. коммуникативных, механизмов. О существовании целостности разнородных элементов кавказских культур и культурных традиций, в которой надо искать разгадку содержания кавказской цивилизации, впервые писал выдающийся востоковед В. И. Абаев. Относительно определения северокавказской цивилизации мнения неоднозначны. Одни ученые признают ее наличие, другие же считают существование кавказской цивилизации лишь методологической проблемой, а для третьих кавказский регион всего-навсего – контактная зона цивилизаций и культур. Понимание цивилизации как надэтнического или межэтнического образования, формат которого дает этносам с близкими культурными признаками находить формы общности и свой исторический маршрут, дает основание полагать, что в становлении и развитии конкретной локальной цивилизации и ее характерных признаков существенными являются механизмы культурной преемственности и передачи исторического опыта, типичные для данного этносоциума. При этом в понятие «сущность культурно-исторического процесса» входят эволюции – социальная и внутреннего мира человека, способы его манифестации – социокультурная коммуникация, логика интеракции, стереотипы поведения. В статье предлагается рассматривать проблему кавказской цивилизации с учетом этих положений. Отличие северокавказской цивилизации от других кроется в специфичности коммуникативной культуры, уникальности экосферы и геостратегическом положении региона. Кроме того, она сложилась как единая цивилизация в результате диалога и взаимодействия культур.

Ключевые слова: кавказский, северокавказский, цивилизация, лектон, коммуникация, преемственность.

The article discusses the questions on the North Caucasian civilization, its formation and development. It is common knowledge, that the languages in the Caucasian region have writing traditions, which are rather young. Unfortunately, today the factor of absence of writing is a key criterion for labeling the traditional cultures of small peoples as «primitive», and scientists fail to consider, that within the space of such culture its basic functions are carried out by social and cultural communication. The eminent scholar and philosopher H. Tkhagapsoev thinks that, long-term interaction of unwritten cultures with written and traditional cultures facilitates the formation of compensatory, i.e. communicative, mechanisms. The existence of integrity of heterogeneous elements in the Caucasian cultures and cultural traditions constitutes the key of Caucasian civilization essence, the fact that for the first time was highlighted by the outstanding orientalist V. I. Abaev. There are varied opinions on the definition of the North Caucasian civilization. Part of the scientists recognizes its existence, while others believe that the existence of Caucasian civilization is only a methodological problem, and, for the third part, the Caucasus region is only the contact zone of civilizations and cultures. Comprehension of civilization as subethnic or interethnic construction, a format which allows ethnic groups with similar cultural traits to find forms of their community and its own historic route, gives reason to believe that mechanisms of cultural continuity and transferring of historical experience, typical for the concrete ethnic group, are essential in forming and development of the concrete local civilization. In this case, the concept of «cultural essence of the historical process» incorporates evolutions – social and man's inner world, his ways of manifestation –, the socio-cultural communication, logics of interaction, behavioral stereotypes. The article offers to base the approach to the problems of the Caucasian civilization on such presumptions. Difference of the North Caucasian civilization from the others lies in the specificity of the communicative culture, uniqueness of the ecosphere and geostrategic position of the region. Moreover, as a civilization it became united through dialogue and cultural interaction.

Keywords: Caucasian, North Caucasian, civilization, lection, succession.

По мнению крупнейшего востоковеда и осетиноведа В.И. Абаева, разгадка содержания *кавказской* цивилизации содержится в существовании целостности разнородных элементов кавказских культур и культурных традиций: «...все народы Кавказа, не только непосредственно соседящие друг с другом, но и более отдаленные, связаны между собой сложными и прихотливыми нитями языковых и культурных связей. Создается впечатление, что, при всем непроницаемом разноязычии, на Кавказе складывался единый в существенных чертах культурный мир» [1, 89].

И действительно, этнографический материал, особенно ранние наблюдения европейцев, путешествующих по Северному Кавказу, свидетельствует о том, что этот регион осознавался ими как некий уникальный, самобытный культурный симбиоз со схожей, подчас идентичной картиной жизни – ценностями, обычаями, традициями, социально-экономическими и прочими историко-этнографическими реалиями. Несмотря на то, что ко времени начала исследований Северного Кавказа европейцами многочисленные местные народы находились на разных этапах социогенеза, их глубокая культурная близость и ментальное единение представляли как очевидный и неоспоримый факт.

Традиции, этнический облик, духовная культура адыгов, вайнахов, кавказских индоевропейцев, кавказских тюрков и в самом деле были удивительно схожи, особенно при первых впечатлениях о том самобытном крае, который эти народы населяли. Этнографические данные дают основания полагать, что глубинный пласт северокавказской цивилизационной общности более всего объективирован в ментально-мировоззренческой сфере. И.-Б. Крым-Шамхал,

к примеру, так увидел это своеобразие: «...не следует горцев Северного Кавказа ставить на один уровень с некультурными классами других народностей. Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа. Все несчастье заключается в том, что нас не понимают представители современной цивилизации (наоборот); и в том еще, что нас не удовлетворяет та культура, которую они преподносят нам...

В душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, – которому он поклоняется... Облик этот вошел в его натуру, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения...» [2, 55]

И далее: «Нужно сделаться научно просвещенным человеком, но, безусловно и обязательно, оставаться горцем и по воспитанию, и по духовному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных, быть может, сородичей...»

«Я вовсе не хочу именем древа вырастить особое растение, – продолжает И.-Б. Крым-Шамхал, – я хочу лишь сказать, что не все хорошо, что носит европейскую пломбу, и что много хорошего в былой жизни горцев, могущих быть истинным украшением короны европейской цивилизации» [2, 56]. Во внешнем воплощении это ярче всего зафиксировано в соционормативной и коммуникативной культурах этносов Северного Кавказа. Заметим, многие мировоззренческие установки, нормы поведения, стереотипы, как и их семантические коды, совершенно адекватно

«читались» представителями каждого из этих народов.

Общий принимающий ландшафт, единая межэтническая культурная среда и внешнее воздействие (включая активное социополитическое, гуманитарное и пр. доминирование аланской государственности в период средневековья), издревле сложившиеся экономические, личные, родственные связи, межнациональные браки, взаимные миграции – вот далеко не полный перечень обстоятельств, способствовавших формированию схожести этнического габитуса и нравственного склада населения Северного Кавказа. До сих пор ценностные установки и их воплощения в стереотипах и кодированных нормах поведения, всех его этнических культур имеют тождественное смысловое функционирование.

В пользу того факта, что единая кавказская культура (даже при языковой раздробленности) все-таки наличествует, свидетельствует и многое другое: ритуально-обрядовая жизнь; общие закономерности развития устного народного творчества; процессы эволюции фольклорных жанров; межкавказские языковые, фольклорные параллели и пр. [3; 4; 5, 64-76] Все перечисленные схождения довольно интересны также и для осмысления, выделения и выявления духа и важнейших черт культуры, принадлежащей северокавказским народам. Отметим, что и «дух» горца, и соответствующая ему система ценностей весьма специфичны – самым тесным образом они связаны с воинской идеологией. В частности, мужская субкультура общения (условно ее можно назвать «героической») в определенной интерпретации является лектоном – приоритетной формой коммуникации северокавказского вида цивилизации, ее ведущей интегративной сутью.

Уточним, что разделяем мнение Х.Г. Тхагапсоева о приемлемости употребления философского термина «лектон» при анализе различных феноменов этнических культур [27, 58]. В указанном контексте мы можем рассматривать это понятие как систему категорий, призванную отражать соотношение объективного мира и его субъективного (человеческого) восприятия. Иными словами, речь идет о соотношении некоего идеального плана (всеобщего) с конкретным своеобразием ситуации. Ценности, стереотипы и этика «воинской» ориентированности в значительной степени спроецировали тот образцовый, или идеальный, «поведенческий тип», который был сформирован как коллективная мобилизация своеобразного «горского» кавказского социокультурного опыта. Подобное наследие насыщено идеологическими смыслами и контекстами воинской культуры – такими социальными потребностями и коммуникативными формами, как «чувствование героя», например. Важны также и другие, вполне универсальные идеологические смыслы: «прием гостя», «почитание старшего», «свадьба», «похороны» и т.д. Эти и прочие типичные ситуации (в их специфическом антураже, конечно) актуализируют лектонический арсенал традиционной коммуникации Северного Кавказа, ее семиотические позиции.

Уточняя происхождение базовых ценностей и идеалов цивилизации Северного Кавказа, еще раз подчеркнем их смысловую и знаковую связь с различными аспектами традиционного воинского уклада. Они весомо представлены во многих ментальных и коммуникативных установках населения региона. В частности – в таких понятиях, как честь, концепция «лица», долг, в системе нравственных и духовных убеждений,

социальных обязательств, в способах выражения эстетической деятельности, в этнических образах и идеалах и даже потестарных предпочтениях, равно актуальных для всего северокавказского (далее – СК) цивилизационного круга.

Для этого региона характерны такие архетипы потестарности, как старшинство, харизматичность, способность отвечать насущным потребностям социума, т.е. идея лидерства связана с культом исключительной (отважной, решительной, сильной) личности, характер же идеалов политического поведения свидетельствует о том, что власть осуществлялась за счет авторитета, способного оказывать ненасильственное влияние на действия людей. С учетом особенностей подобного жизнеустройства вполне объяснима императивная роль общественного мнения. В системе соционормативных устоев СК цивилизации именно этот вид воздействия на личность и нравственную / поведенческую мотивацию был особенно значим.

То, что именно «воинские» приоритеты, а скорее – их коммуникативные смыслы, являются доминирующим культурным конструктом всей северокавказской цивилизации, имеет историко-этнографическое обоснование; именно эту особенность отмечали многие авторы XIX столетия. Так, С. М. Броневский, наблюдая быт кавказских горцев первой половины XIX в., писал: «Все вообще склонны к воинскому ремеслу, присвоили, наконец, сему званию понятия честолюбия и учредили по своему образцу мыслей отличительные почести для поощрения храбрости» [6, 34]. П. П. Зубов утверждал: «...считают всего важнее физическую силу, доспехи, оружие и коней» [7, 159]. И даже А. С. Пушкин в эпилоге к «Кавказскому пленнику» смог увидеть определенную доминанту: «Кавказа

гордые сыны, // Сражались, гибли вы ужасно...» [8, 261].

Строки русского гения полны неподдельного сочувствия и даже уважения. Однако в основном тон сведений о Северном Кавказе, накопленных к этому времени, был несколько претенциозен – воинский этос населяющих его народов представителями европейской цивилизации интерпретировался более как «дикий нрав». Нисколько не удивительно – военные, путешественники и пр. наблюдатели и даже исследователи формировали свои впечатления с позиций европейской культуры – на эмоциональном уровне подобный тип культуры мог быть основанием для настроенного видения Северного Кавказа; не секрет, что в обывательском восприятии подобная ситуация отчасти сохраняется и поныне.

Итак, самый существенный («опознавательный») культурный феномен северокавказской цивилизации, со всем его культурным и эстетическим сопровождением, стал яркой иллюстрацией взаимной идентификации различных типов цивилизаций. В данном случае – кавказской и европейской. Не секрет, что в массовом сознании европейцев присутствовало мнение, что поступки, образ жизни и едва ли не самое сознание «кавказцев», лишены лояльности, духа миролюбия, созидательного начала. Это, конечно же, не соответствовало действительности.

Перелом в подобном восприятии связан с началом научного изучения Северного Кавказа. Профессиональные ученые (В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский и др.) сумели распознать объективный облик народов Северного Кавказа – в частности то, что он складывается не только из боевых реликтов. Куда в большей степени его представляют нормы горского права, народной

дипломатии, традиционные институты миротворчества, разработанная система этики, нравственности, концептов чести, долга и т.д. Появилась возможность понять, что ярчайшими характеристиками «кавказцев» являются не только жестокие законы кровомщения (замеченные и растиражированные европейцами в первую очередь), но и такие качества, как щедрость и бескорыстие, следование обязательствам дружбы, братства, осознание приоритета общественного блага над личными эмоциями, сдержанность, чувство долга, высокая личностная культура поведения и разработанный этикет.

Фундаментальной соционормативной основой, своего рода сверхценностью, народов Северного Кавказа, а по сути – северокавказской цивилизации, безусловно, стал адат – нормы обычного права, руководившие общественной и частной жизнью. Именно его нормы и устои, как и привязанные к ним традиции и социальные привычки, обобщались в своеобразном «законе гор» – ментальном ядре и кредо СК цивилизации. Несмотря на уникальность и неповторимость каждого народа этого региона, именно адат проецировал культурную общность, свою самобытность столь привлекавшую внимание многих путешественников, военных, ученых, начиная с XVIII в. и позже.

В целом, основную мотивацию системы воинской идеологии и культуры, свойственной СК народам, удачно сформулировал Коста Хетагуров: «Ни один в походе // Не красовался на коне, // Как он... Отец, то не войне // Служить хотел он, – нет! – Свободе...» [9, 363] И более всего схожесть этого нормативно-правового каркаса горской жизни воплощалась в тех обычаях и уложениях, которые оттачивали различные грани народной дипломатии – в тради-

ционных институтах и поведенческих стандартах миротворчества [10].

Как это ни парадоксально, но в основе поддержания «дипломатического» уровня взаимоотношений между кавказскими народами лежали представления и нормы, порожденные именно воинской этикой. Давно известно, что в обществе, где воинство рассматривается как правая, а не захватническая сила, привлекательность и престижность воинственных идеалов легко объяснима. Существуют научные исследования, связывающие формирование моральных универсалий «дружба», «честь», «верность», «благородство» с феноменом воинского побратимства [11, 34-38].

Самые разные воплощения адата – гостеприимство, куначество, аталычество, побратимство, некоторые прочие обычаи внешнего общения – «узаконивали» соционормативные и коммуникативные нормы межэтнических контактов и сюжетов, типичных для привычного уклада жизни населения Северного Кавказа. Стоит упомянуть и о традиционном судопроизводстве, приведении к присяге, организации посредничества, а также и о многочисленных требованиях горского этикета. Существование общесеверокавказской культуры общения, с определенными поправками, можно признать как факт вследствие развитости и универсальности именно этого значительного ее пласта.

В этом смысле традиции отдельного народа могут отразить социокультурные тенденции всего региона. Сохранилось достаточно много наблюдений, указывающих на это, например: «Обычай вникает и во все подробности жизни в гостинной, при встрече в кунацкой, даже на улице или на дороге, везде слышатся условные фразы и поговорки,

даже простой разговор более или менее состоит из стереотипных фраз.

Осторожность и вежливость – одно из первых требований обычая, и, действительно, в патриархальных аулах редко приходится, по крайней мере, в многолюдном собрании, слышать какое-нибудь резкое слово» [12, 187].

Практика предотвращения стихийного проявления силы, сохранения мирного сосуществования была сутью действенной активности морально-нравственного кодекса каждого этноса, и постижение ее начиналось еще с раннего детства в процессе социализации, в ряду последовательного приобщения к главным ценностям своей коммуникативной культуры. Серьезное отклонение от ее главных принципов (учтивости, почтительности, деликатности и пр.) было связано с риском «потерять всякое человеческое достоинство и значение в глазах даже самых близких людей, не говоря уже об обществе, которое заклеймит его, раз и навсегда, своим полным презрением» [13, 76].

С учетом всего этого не удивительно, что в рамках цивилизации Северного Кавказа наиболее высокий социальный престиж имел конный воин. Вне сомнений, это имело воздействие и на внешность – в источниках содержится немало прямых и косвенных указаний на некоторые характерные особенности облика горцев: «Что во Владикавказе поражает более всего, так это типы настоящих горцев. Иной и одет бедно, и лошадь-то у него не Бог весть чего стоит, а вся фигура всадника, с его оригинальной посадкой, закутанного в башлык, в бурке, надетой на бок, с винтовкой за плечами, шашкой и кинжалом так и просится на картину» [14, 155].

Своеобразный всаднический воинский кодекс (нравственный и пове-

денческий) являл собой целую систему норм и регламентаций, упорядочивающих самые разные взаимоотношения и личного, и социального порядка. Взаимозаменяемость понятий всаднического и воинского этикета не случайна, она обусловлена объективными условиями региона, сформировавшими своеобразные «рыцарские» мировоззренческие категории [15, 5]. Они известны и исследованы, поэтому остаются за пределами этой статьи. Мы лишь подчеркнем, что культурные особенности, связанные с воинским этосом, характеризовали весь жизненный порядок: повседневность, сакральную обрядовую и коммуникативную практики, принципы традиционной социализации – в целом быт кавказских горцев вплоть до начала XX в., а то и позже. Но самыми яркими примерами воинского этикета, актуализирующего поведенческие и ментальные образцы, насыщен Нартовский эпос – мифологическая база северокавказской цивилизации, ее гуманитарный базис, а также целая система лектонических смыслов.

В нормативной же сфере крайне важным семиотическим полотном СК цивилизации был народный этикет. В тождественном единстве форм, категорий и функциональности он регулировал общественные, имущественно-правовые, брачные отношения и многое другое. В качестве существенного правового критерия этикет учитывал и многие биосоциальные факторы – пол, возраст, степень родства. Социальную и коммуникативную подоплеку перечисленных факторов, вне сомнений, можно рассматривать в качестве типичных культурных лектонов.

Достаточно долгая власть подобного порядка вещей вполне объяснима – в условиях горной изоляции у многих народов Северного Кавказа категории

пола и возраста, как и фактор кровного родства, в течение довольно длительного времени занимали особое место в системе общественных взаимоотношений и коммуникативных статусов [10]. В определенном контексте эти лектоны служили гарантом сохранения привычного уклада, в целом – типа цивилизации. Словом, северокавказское сообщество этносов отличается особенной специфичностью норм социальной коммуникации и прежде всего той ее части, которую можно назвать церемониально-этикетной. Отнюдь не случайно коммуникативная особенность «кавказской цивилизации» трактуется как особая этикетность, и направлена она на самоорганизацию членов социума и на коллективные действия в любой жизненной ситуации [16, 58].

Разнообразные этнические общности Северного Кавказа на протяжении длительного времени испытывали влияние различных культур и цивилизаций – как Востока, так и Запада. Именно здесь культурный ландшафт, содержащий в своей основе некий общий субстрат, представляет «собой неисчерпаемые исторические традиции взаимопомощи и сотрудничества множества этносов, традиции тесного взаимодействия этнических культур, традиции религиозной терпимости между адептами христианства, ислама, буддизма и иудаизма, исходящие из древнего авестийского триединства, отчеканенного в формуле: «Благая мысль, благое слово, благое дело» [17, 35]. Замеченное нами выше достаточно полно отражает содержание существующих дефиниций цивилизации [18, 733], хотя в гуманитарной науке, к сожалению, до сих пор нет однозначного определения данного термина. Одни ученые определяют ее как надэтническое или межэтническое образование, в рамках которого этносы,

имеющие близкие культурные критерии, находят формы общности и «свой исторический маршрут» [19], другие – как «некую стадию развития культуры, культурную общность людей» [20]; третьи – исходя из того, что Кавказ – перекресток, лишь «некая контактная зона многих культур и цивилизаций», понимают эту цивилизацию как «особую геополитическую структурную единицу» [21, 25-28]. Как видим, до сих пор в науке доминирует формационный подход к пониманию истории и тейлоровской интерпретации культурогенеза.

Интересно, что проблема существования кавказской, в том числе северокавказской, цивилизации является предметом обсуждения вот уже в течение полутора веков. Ряд ученых считает, что не определена до конца конституирующая база северокавказской локальной цивилизации, ее природа, содержание, механизмы функционирования и воспроизводства, а также ее типологические признаки, хотя, исходя из множества этнологических, исторических и культурологических фактов, эмпирически допускают ее существование [22; 23].

Общеизвестно, что локальные цивилизации вычленяются на основе географических, пространственно-временных, этнических и религиозных признаков (Тойнби, Данилевский, Сорокин и др.). К сожалению, из их теорий, как ни странно, выпадает содержательный критерий типологии с «объяснительным потенциалом». Подобным потенциалом вне сомнений обладает такая важная часть духовного этнокультурного наследия, как народная этика – концепты народной нравственности и морали и их поведенческие воплощения.

Получается, что во всех теориях локальных цивилизаций нет связи «с

процессами вещественно-энергетического и информационного обмена в пространстве исторического бытия и социальной динамики рассматриваемой ими локальной цивилизации» [24, 180]. В этом случае, на наш взгляд, тип СК цивилизации позволяют идентифицировать сущностные признаки, типологические характеристики и системообразующие базы, предлагаемые Х.Г. Тхагапсоевым, ранее упоминавшиеся [16, 51-58]. По мнению ученого, содержательной базой и конституирующим фактором северокавказской цивилизации является специфический – лектонический – тип социокультурной коммуникации [25], объясняющий природу общности северокавказских этнических социумов, внешние проявления которой фиксируются в массе разрозненных фактов этнологического и культурологического порядка.

Как известно, языки северокавказского региона – младописьменные. На сегодня, к сожалению, отсутствие письменности является преимущественным критерием в отнесении традиционных культур малочисленных народов к «примитивным». При этом почему-то не берется в расчет то обстоятельство, что в рамках бесписьменной культуры основополагающие функции выполняет социокультурная коммуникация, потому что длительное взаимодействие бесписьменных культур с письменными и традиционными культурами способствует формированию компенсаторных, коммуникативных механизмов.

Мы уже отмечали, что универсальная коммуникативная культура Северного Кавказа – ключ к пониманию кавказской цивилизации и механизмов ее сложения и функционирования. Народы Северного Кавказа склонны к сохранению соционормативных ценностей

в рамках своего общего культурного наследия и стереотипизации поведения. Этностереотипы есть воплощение древней мировоззренческой парадигмы, у осетин это *ирондзинад* – «осетинский дух», дословно «осетинство», у адыгов – *адыгагъэ* – «адыгство», у чеченцев – *нохчалла* (чеченская этика) – «чеченство» и т.д.

Информационный аспект лектонической коммуникации обеспечивает своеобразную выработку, систематизацию, накопление, хранение и обращение общественной и культурной информации, коллективную мобилизацию культурного опыта и «сводит к минимуму или вообще снимает неопределенность в ситуациях действия по тому или иному жизненному поводу» [16, 53 и др.]. В анализируемом регионе любому акту культурного действия, в контексте которого разворачивается коммуникация, придается ритуализированный характер, любые культурные обрядовые концепты работают на основе нормативно закрепленных социальных и культурных ролей и поведенческих схем их исполнения. Ср., напр., посадку всадника-горца, о которой уже упоминалось; речевой и поведенческий этикет. К примеру, относительно приветствий, последующего диалога и прощаний существовали определенные рекомендации: 1) говорить необходимо сдержанно, негромко, без излишнего темперамента; 2) не перебивать собеседника; 3) не менять темп беседы и не заканчивать разговор первым в диалоге со старшим; 4) излишне не жестиковать и т.д.

Кроме того, глубоким внутренним смыслом и статусом самостоятельного коммуникативного послания наполнены многочисленные стандарты общения – вербальные, кинесические (жестовые), проксемические (простран-

ственная семантика), хронемические и многие другие. Что же касается коммуникативных табу, то они были универсальны для всех этнических культур народов Северного Кавказа – это внешне отчужденное общение между родителями и детьми, супругами и мн. др.

Мы уже подчеркивали, что этническое наследие народов Северного Кавказа уникально и многогранно. И также оговаривали, что в самобытную северокавказскую культурную общность более всего их объединяет сходство тех традиций и обычаев, которые связаны с различными гранями народного общения – гостеприимством, куначеством, побратимством и т.д. Сейчас добавим, что и в настоящее время существование общего поведенческого кода и общих культурных символов народов Северного Кавказа в определенной степени сохраняется. В первую очередь это касается норм поведения (почтение к старшему, женщине, внимание младшему, мирное разрешение конфликтов и т.д.), которые более концентрированы в рамках «своего» окружения и могут ослабевать в контексте цивилизаций другого типа.

Известно, что эволюция общества обуславливается тем объемом информации, которая поставляется двумя ее типами – безусловной, отражающей происходящее, вызванное определенными условиями, и условной, существующей в форме естественных языков, ритуалов, форм искусства, норм традиций и пр., благодаря чему возможна интерпретация безусловной информации [26].

К СК цивилизации, по Тхагапсоеву, причастны, прежде всего, те этносы, которые вплоть до Новейшего времени так и не подпали под «цивилизующее» влияние какой-либо крупной цивилизации; сохраняли свою культурную са-

мобытность, выступающую как основной фактор социальной самоорганизации. Это – осетины, вайнахи, балкарцы, карачаевцы, адыги, абхазы, для которых характерна высокая общность традиционных форм материальной культуры, общность мифологии (Нартовский эпос), форм этнического искусства – особенно музыки и хореографии, форм и традиций коммуникативной культуры. Однотипность способов социально-культурной коммуникации (ср. хореографическая культура, культура застолья, формы и нормы гостеприимства и др.) организует двойную направленность – как на демонстрацию («показ») своей культуры, так и на социализацию ее субъектов. Это означает, что данный тип коммуникации постоянно работает на воспроизводство культурной идентичности на всем пространстве функционирования, является конститутивным фактором существования северокавказской цивилизации, формирующей определенный социотип, характерной чертой которого является ментальная готовность следовать нормам, формам и поведенческим алгоритмам этой коммуникативной культуры [27].

В реальной жизни на обстоятельства исторического бытия и социальной динамики неотвратимо влияет коммуникативная реальность, ведь «механизм существования этносов также основан на связях информационного характера, но не генетических, а коммуникативных, главным образом, речевых (словесных)», а не географические, технологические, экономические, политические, религиозные и пр. факторы, свойственные для дискурса гуманитарного [28, 17]. Как уже отмечалось, именно акты коммуникации организуют и регламентируют информационные потоки, сопутству-

ющие всем формам социального бытия; в общении складывается реальная совместность людей, обеспечивающая решение всех задач, с которыми сталкиваются человек и социум – от первоочередных, витальных (как самосохранение и самовоспроизводство), до создания высоких норм нравственности и шедевров культуры; в процессах коммуникации складываются те механизмы поддержания общности, те специфические черты совместности и стереотипы взаимодействия людей, которые и обеспечивают интеграцию индивидов и социальных структур в тотальное единство (в общности различных масштабов) [24, 172]. Культура при этом понимается как текст, хранящий и передающий в пространстве и во времени (благодаря языку) информацию, тем самым осуществляя преемственность культуры, накопление и усвоение опыта, выработанного предшествующими поколениями.

Нельзя не обратить внимания и на специфический принцип «культуры себя» горца, который так перекликается с современным поиском и формированием эффективной и перспективной практической идентичности. Этот принцип обеспечивал высокий уровень ориентации в самом себе и в окружающем мире через стратегию рационального выбора себя через самостроительство и самоусовершенствование, тем, что складывалось веками [16, 53]. Но убеждения и установки нравственного опыта северокавказских народов, механизм их культурной самоорганизации, развивавшийся в течение многих тысячелетий, преемственность социальных практик оказались нарушенными в результате культурного кризиса последних потрясений, что может привести, по мнению ученых, к потере духовно-нравственного «лица» этих народов

и к губительной идее национальной исключительности.

Как уже отмечалось, коммуникативное своеобразие северокавказских культур проявляется в ритуализированном и церемониально-этикетном характере каждого акта общения, в институте старшинства, в культурно-демонстрационном типе всякого значимого акта публичной коммуникации. Эти свойства коммуникативной культуры северокавказской цивилизации наличествуют в органическом единстве с остальными элементами культуры и являются специфическим ключом к пониманию интеграционных начал и механизмов существования означенной локальной цивилизации. Ср.: «Именно культурная общность чаще всего и рассматривается как основополагающий признак кавказской (северокавказской) цивилизации» [22].

Содержание национального бытия, конечно же, можно передать только через форму национального. Иллюстрация этому: «Брошенный в природу, в данный климат, на данную территорию – в горы, в долины, в пески, в тундру, – народ обживался, приспосаблился и одновременно стал приспосабливать к себе и развил самобытную, точно отвечающую месту природы, материальную культуру, соответствующую психику, язык, мышление» [28, 17]. Приведенная цитата, думаем, определяет, **что** лежит в основе мировосприятия народа и созданного им мира образов. Уже было подмечено, что Кавказ в миниатюре моделирует многообразие культур всего мира на основе таких критериев, как разнообразие культур; многообразие языков; сохранение архаических культурных форм и традиций, которые существуют в рамках христианской, исламской, буддийской и иудейской цивилизаций; сильная экологическая ориентирован-

ность, присущая горным культурам в силу хрупкости и уязвимости горной системы; высокий креативный потенциал духовного ядра этнической культуры, постоянно генерируемого миром гор; большая плотность этнических культур на малом пространстве горной системы; богатство ресурсов различного рода (полезные ископаемые, водные ресурсы, лечебные источники и пр.); ксенический характер существования множества культур; противоречивость взаимодействия ряда этнических культур, обусловленная целым рядом внешних и внутренних причин; сакральная символизация гор, ответственная за индивидуальный характер этнокультурных сообществ [17, 36].

Оценивая миротворческий потенциал кавказских народов и его современные перспективы, необходимо учесть и еще несколько существенных обстоятельств. Экологические, социально-экономические, хозяйственно-культурные условия, общие этнические и культурно-исторические традиции уже упоминались в качестве существенных факторов прошлой жизни, сформировавших схожий облик северокавказских народов, их своеобразную цивилизацию. Нельзя, однако, преуменьшать и роль существующих еще в древности прямых контактов: в частности, мощное воздействие на СК цивилизацию культуры алан – их средневековой государственности, активных взаимных заимствований и установления генеалогических связей с населением Северного Кавказа.

Кавказская, в том числе северокавказская, цивилизация не похожа ни на одну из общечеловеческих цивилизаций, ибо она полифонична по форме и содержанию, во многом сугубо национальна: «У нее во всех отношениях человеческого бытия свой особый

«почерк», своя особая муза жизни» [29, 500]. Полинациональный и поликонфессиональный регион по-своему реагирует на все происходящее внутри и за его пределами; у него «свое душевное состояние», свое мироощущение. В этом аспекте в СК цивилизации особое место отводится религии, ведь история религиозных верований любого народа тесно связана с историей развития экономики, политики и культуры любого из них, в том числе и горцев Кавказа. Это обстоятельство объясняет одну из особенностей религиозных верований большинства горцев Кавказа – религиозный синкретизм.

Кавказская, в том числе северокавказская, цивилизация включает в себя все аспекты человеческой жизнедеятельности и религиозное сознание, потому что, являясь важнейшей частью духовной культуры человечества, религия наглядно отражает пути, формы и методы культурного диалога между народами. Уникальность религиозной культуры в системе СК цивилизации кроется еще и в том, что в этом полинациональном и поликонфессиональном регионе исключительно толерантно сосуществуют, как было отмечено выше, самые различные формы религиозных верований; вот почему, думается, СК цивилизацию невозможно понять и изучить без определения роли и места религии в этой системе. В этом контексте нельзя не отметить позитивное влияние своеобразной и универсальной горской этики, располагающей к межэтническому и межконфессиональному согласию, переводящей общение столь разных по происхождению народов в пространство единых ценностей, смыслов, социальных требований и ожиданий.

В современном мире много говорят и пишут о «лице» кавказской цивилизации, причем далеко не все лестно. Но

не надо забывать о позитивных ресурсах личностной культуры этого самого «лица» – целостности, связанной с высокими нравственными идеалами, с почитанием и уважением к старикам и женщине, с выраженным стремлением к возвышенному, высокому и достойному горца поведению и образу жизни. Их объективное научное исследование могло бы навсегда разрушить сложившийся негативный стереотип о людях, «спустившихся с гор». Подобный подход крайне востребован для перспективного развития такого многонационального и поликонфессионального государства, как РФ.

В этих обстоятельствах более чем перспективным представляется обращение к культурному наследию разных народов, в том числе – и к духовным и коммуникативным накоплениям Кавказа. Именно этот тип цивилизации основан на утвердившихся в традициях навыках жизни в условиях межнационального согласия, несилowych способах разрешения конфликтов, строгих нормах урегулирования споров и столкновений любого уровня. В силу этих и многих других причин СК цивилизация, безусловно, стоит внимания не только современных ученых, но и политиков.

Канонические нормы базовых ценностей СК цивилизации заключены в нравственных кодексах (осетинском *æгъдау*, ингушском *эздел*, адыгском *Адыгэ хабзэ* и др.), осуществляющих связь в пространстве и во времени. Данное утверждение объясняется тем, что «у каждого народа есть свой особый духовный внутренний мир, отражающий его социальные, географические, этнические, языковые и другие особенности. Душа народа – это его общественная психология, то есть включающая такие всеобщие обоснования душевной

жизни каждого народа, которые формируют его национальный характер, традиции, обычаи, нравы, привычки. И чем лучше психологическое здоровье народа, тем он сильнее духом» [30, 25].

Грузинский ученый Дж. Квициани считает, что Кавказ ныне проявляет стремление активно участвовать в развивающихся евразийских интеграционных процессах, но эти усилия малоэффективны, причем причина видится им в проблеме преемственности в кавказской цивилизации. По его мнению, традиционные ценности этического и коммуникативного характера в различных формах были присущи кавказской аграрной цивилизации. К сожалению, пишет он, по внутренним и внешним причинам она не смогла на местной культурно-цивилизационной почве трансформироваться из аграрной, традиционной в современную, индустриальную, а затем в информационную цивилизацию [31, 415]. Индуцирование большими странами индустриальных структур в отрыве от местной этнокультурной реальности после распада СССР за последние два столетия на Кавказе привели к актуализации этнической идентичности в ущерб гражданской, причем контуры ущербной гражданской идентичности «в постсоветский период, – считает исследователь, – оказались во многом «искусственными» и поэтому неэффективными. Они вызвали дезинтеграцию и конфликты в регионе» [31, 415]. Заставляет задуматься следующее заключение автора: «На Кавказе опыт демократизации последних двух десятилетий позволяет видеть, что построением плюралистического гражданского общества, где бок о бок будут сосуществовать традиционная и современная культуры, а также формируемая синергия в обществе, проблема преемственности в соответ-

ствующих условиях есть процесс естественного цивилизованного развития общества» [31, 416].

Тем временем жизнь дает огромное множество доказательств тому, что преимущество в области материальной и духовной культуры – реальный фактор развития, потому что действителен сам процесс развития культуры: она обновляется, обогащается, совершенствуется. Преимущество – это эволюция, процесс поглощения предшествующего опыта последующим, непрерывное обновление и саморазвитие традиции, что, безусловно, означает продолжение прошлого в последующем, ведь не существует культуры без традиций и вне памяти. Как тут не привести слова академика Г. Г. Гамзатова: «Память, хоть и реализуется в настоящем, но всегда обращена в прошлое и имеет дело с национальными истоками духовного становления данного народа, с опытом и традициями его историко-культурного развития. Без «искусства памяти», без реализации памяти нет никакого наследия, нет его признания и восприятия, нет традиции, а, следовательно, и прогресса. Более того: нет взаимопонимания, взаимоощущения, взаимопонимания народов во времени и пространстве. Ибо эстетическая сущность духовного наследия, духовной памяти и есть та ценностная категория, в которой достоверней и убедительней

всего отображается наиболее тонкий и чувствительный мир отношений людей и народов, психология их сближения и единения, присущая им отроду тенденция к взаимопониманию, взаимопризнанию и взаимоуважению» [32, 25].

Итак, отличие северокавказской цивилизации от других кроется в специфичности коммуникативной и традиционной соционормативной культуры, уникальности экосферы и геостратегическом положении региона; это – единая самобытная цивилизация, которая складывалась веками в результате диалога и взаимовлияния культур. Осмысливать общечеловеческое в традиционной культуре необходимо как в эпохальной, так и иной относительности, ибо нравственные нормы в ней возникали и складывались через процесс вертикальной ротации традиций [33, 186]. «В 30-х годах XVIII в. Э. Спенсер, – пишет Б. Х. Бгажноков, – высоко и не без удивления отозвался об устройстве адыгского общества: «Можем ли мы не восхищаться степенью цивилизации, которой достиг этот изолированный народ, и все это без каких-либо писанных законов, без каких-либо других регуляторов, кроме традиций их предков и песен их бардов»» [34, 5]. Думаем, что приведенное высказывание вполне можно отнести ко всему северокавказскому региону, давшему столь редкостную локальную цивилизацию.

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
2. Крым-Шамхал И.-Б. Письмо в редакцию журнала // Мусульманин. Париж, 1910. № 2. С. 55-56.
3. Уарзиати В. С. Культура Осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
4. Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гोनоблев Е. Н. Религиозные воззрения осетин. Владикавказ, 2000.
5. Бесолова Е. Б. Об общекавказском субстрате в обрядово-фольклорной жизни северокавказских народов // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С. 64-76.
6. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2.
7. Зубов П. П. Картины Закавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. В 4-х ч. СПб., 1835. Ч. III.
8. Пушкин А. С. Стихотворения. М., 2002.
9. Хетагуров К. Л. Произведения. Владикавказ, 2009.
10. Хадикова А. Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.
11. Беляева Г. Б. Воинский этос и универсалии морали // Философский альманах. Минск, 2005. С. 34-38.
12. Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1.
13. Кокиев С. В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. 1. С. 66-112.
14. Владыкин М. Н. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. В 4-х ч. М., 1885. Ч. 1.
15. Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
16. Культура Южной России / Отв. ред. Х. Г. Тхагапсоев. СПб., 2012. Кн. II.
17. Поликарпов В. С., Поликарпова Е. В. Этнические культуры Кавказа: между Западной Европой и Дальним Востоком // Научная мысль Кавказа. 2000. № 3. С. 35-40.
18. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.
19. Давидович В. Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 48-57.
20. Гуревич П. С. Культурология. М., 2000.
21. Аникеев А. А. Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
22. Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.
23. Черноус В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
24. Тхагапсоев Х. Г. Грузия в системе кавказско-лектонической цивилизации // Кавказоведческие разыскания. 2011. №3. С. 169-182.
25. Тхагапсоев Х. Г. Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. № 4. С. 28-30.

26. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. М., 2001.
27. Тхагапсоев Х. Г. О кавказской культурной общности // Вестник РАН. 1999. Т. 69. С. 130-136.
28. Арутюнов С., Чебоксаров Н. Этнос, популяция, раса // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний. Тбилиси, 1971. Ч. I.
29. Унежев К. Х., Бетрзова М. А. Религия в системе кавказской цивилизации // Материалы II Международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2010. С. 499-501.
30. Попов В. Д. Психология и экономика. М., 1989.
31. Квициани Дж. Проблема преемственности в кавказской цивилизации // Кавказоведческие разыскания. 2010. № 2. С. 447-453.
32. Гамзатов Г. Г. Дагестанский феномен возрождения. XVIII-XIX вв. Махачкала, 2000.
33. Арутюнов С. А. Народы и культуры. М., 1989.
34. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик. 1999.